

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БОЛЬШАЯ СУДЬБА

в фильме И. Савченко? Тогда молодой киноартист только начинал свой путь в кино, сегодня он всемирно известный художник, отмеченный Ленинской премией, премией «Оскар» и многими другими наградами.

Уже при первой встрече я увидел, с какой серьезностью готовился Сергей Бондарчук к работе. В сценарии было множество пометок, точных замечаний по диалогу. Вся роль была переписана от руки. На полях всюду пестрели сделанные цветными фломастерами выписки из романа.

Бережное отношение к слову писателя С. Бондарчук воспитывал в себе многие годы, работая над экранизациями «Судьбы человека», «Войны и мира», «Они сражались за Родину». Все годы работы над фильмом «Война и мир», к примеру, он не переставал перечитывать роман и каждый раз открывал в нем что-нибудь не замеченное в предыдущих прочтениях.

Порадовала меня и первая встреча С. Бондарчука с Андреем Харитоновым — Овodom. Настолько вел он себя просто, непринужденно, без малейшей тени величия перед студентом, еще никогда не снимавшимся, что сразу это создало атмосферу доброжелательности, в которой было легко и молодому артисту, и мне — режиссеру фильма.

После одной из репетиций мы втроем долго гуляли в саду Довженко, по тополиной аллее Савченко.

— Вот таким же неопытным, как и вы, Андрей, только немного постарше, предстал когда-то и я перед большим мастером нашего киноискусства Игорем Андреевичем Савченко, когда он пригласил меня на роль Тараса Шевченко. Вот по этой самой аллее ходили мы с ним, и он часами рассказывал о своем видении фильма, о драматургическом построении каждого эпизода, вводил меня в поэтический, философский мир великого поэта. Это были и мои первые режиссерские уроки. Игорь Андреевич был не только кинорежиссером, но и замечательным педагогом.

Невольно вспоминается фильм И. Савченко и незабываемая игра в нем С. Бон-

Исполняется 60 лет народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии Сергею Федоровичу Бондарчуку. Это имя неотделимо от истории советского кино последних десятилетий, от сегодняшнего дня отечественной кинематографии.

дарчука. Как точно, глубоко стремился проследить он сложный путь поэта от бунтаря-одиночки к зрелому революционеру, который, по точному определению М. Рильского, «выковыл и закалял в горниле страданий и мучительных размышлений свое мировоззрение». Сейчас не могу подобрать подходящих слов, чтобы передать потрясающее впечатление от эпизода, когда Шевченко уходит в раскаленные нескрики солдат, выстроенных для расправы над рядовым Скобелевым, с отчаяния поднявшим руку на офицера. Уходит, угнетенный сознанием беспомощности, огромного горя, стыда, а потом взбешенный стоит перед иконой. Верно кто-то из критиков назвал этот образ «выдающимся, вершинным». Не могу без содрогания вспомнить и сцену попойки, когда офицеры решили подпоясать поэта, а потом спровоцировать его на проступок, чтобы получить повод отправить его под шпильку. Он был человеком беззащитным в этой жестокой сцене, но воля его была неодолима и недоступна для офицерского разума. Он хотел, чтобы поэт был в этой сцене беспощаден с этими людьми, как истинный сын народа...

...Вечером в тот же день мы долго обсуждали вопрос о том, с какой сцены начать съемки «Овода». И решили в конце концов взять в самом начале за труднейший эпизод. В режиссерском сценарии он называется «Отец и сын» и повествует о встрече Монтанелли с Овodom в тюремной камере, когда последний признается ему, что он никакой не Риварес, а его сын Артур.

— Пусть эта сцена, — сказал Бондарчук, — будет проверкой для нас, актеров, и для режиссера, оператора, художника, да и для всей киностудии — способны ли мы все вместе экранизировать роман, столь популярный у сотен миллионов читателей, воспитавший целые поколения революционеров. Когда-то и я мечтал сыграть роль

Артура, правда, это было очень-очень давно...

Сергей Федорович достал из кармана уже пожелтевшую от времени фотографию. На ней был он сам в гриме Артура. Молодой, с пылающими гневом глазами. Тогда волосы у него были иссиня-черные, как вороново крыло. Лицо, глаза излучали саму молодость, страсть. Сейчас волосы его уже снежно-белые, глаза в густой сетке морщин, вместилища в себя и всю его нелегкую жизнь, и тяжелейшую войну, и лучшие годы, отобранные у собственной жизни на создание самых масштабных, самых трудных в советском кинематографе картин и десятков неповторимых образов, созданных артистом.

Как режиссер, он начинался необычайно мощно. Он буквально ворвался в советскую кинорежиссуру могучим фильмом «Судьба человека». Это произведение навсегда останется в числе самых лучших картин о войне. Каждый раз, когда мне случается смотреть фильм «Судьба человека», я думаю о нестареющем искусстве кино. С. Бондарчук в этой картине постиг такие глубины трагедии народной, открыл такую силу чувств, что фильм этот никогда не устареет.

О Сергее Федоровиче как о кинорежиссере можно говорить бесконечно. Но он еще и актер, в нем это прочно слито воедино. Даже работая только как актер в фильме «Овод», он живет на площадке, творит, мыслит непрестанно и как режиссер, хотя и не навязывает своего видения.

Как-то Ван Гог сказал, что первым признаком таланта является доброжелательность. В самом деле, какое это высокое качество человека!

Доброжелательностью, в самом широком смысле этого понятия, исполнена душа С. Бондарчука. В этом я мог неоднократно убедиться, будучи его заместителем на посту председателя Всесоюзной комиссии по работе с молодыми кинематографистами

нашей страны, вслушиваясь в его выступления, читая его статьи, интервью, знакомясь с его раздумьями о работе во ВГИКе, где он руководит мастерской вместе с Ириной Константиновной Скобцовой.

И при всем многообразии творческих тревог во время съемок Сергей Федорович ни на минуту не забывает о своем зрителе. О нем он говорит с особой любовью, непрестанно обдумывая пути к его чувствам и мыслям.

«Своего зрителя, — говорил он не однажды, — я желал бы видеть очень чувствительным, способным, по выражению Л. Толстого, «пожалеть от души и даже пролить несколько слез» над моими героями. В идеале совершенное воздействие предполагает и идеального зрителя. Он должен быть подготовлен так же, как и творец, к зрительному и эмоциональному восприятию.

Актер, если он хочет, чтобы его герои были действительны, сам должен быть в высшей мере действенным, ищущим, беспокойным. Надо не поучать зрителя, а своей творческой страстью заражать его идеями, в которых вмещалось бы значительное содержание, важное для жизни людей.

...Несамозаметно пролетело время напряженной работы над фильмом. И вот съемки окончены. И радостно, и грустно! Кто знает, когда еще, в каком фильме судьба сведет меня с выдающимся мастером современности Сергеем Бондарчуком? Он же совсем скоро начинает съемки своих новых фильмов «Восставшая Мексика» и «Красные колокола». Первая — о революции в Мексике, вторая — об Октябрьской революции в нашей стране. На их создание непременно уйдут целые годы жизни, потому как задуманы они предельно масштабными, страстными, сложнейшими в постановочном отношении.

Возвращаясь же к Бондарчуку-актеру, могу сказать только одно: работа с Сергеем Федоровичем была и большой школой, и радостным творческим праздником.

Николай МАЩЕНКО,
кинорежиссер, заслуженный деятель искусств
УССР.